

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на рукопись диссертации Носовой Марины Сергеевны «Повседневная жизнь детей в годы Великой Отечественной войны (на примере Омской области)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки)

Проблематика Великой Отечественной войны имеет сегодня повышенную актуальность, которая во многом объясняется дискурсивными топосами современной государственной системы. Тем не менее общественно-политический интерес, хоть и встраивает военную тематику в тенденциозную конъюнктуру, остается все же важным фактором исследовательской мотивации. Главное – находить баланс между, с одной стороны, злобой дня и ее предубеждениями, а с другой – вызовами нынешнему российскому обществу, на которые историки должны давать фундированные ответы. Именно в этих решениях, предлагаемых исторической наукой, кроется научная актуализация различных аспектов Великой Отечественной войны.

В рассматриваемой диссертации Марины Сергеевны Носовой «Повседневная жизнь детей в годы Великой Отечественной войны (на примере Омской области)» осознается такой синтез общественно-политической и исследовательской востребованности. В разделе «актуальность и научная значимость темы» этот фокус, например, отражается в краткой характеристике антропологического поворота (стр. 3-4, 7, 10), который сейчас предопределяет вектор движения мысли в социально-гуманитарных науках, в том числе в изучении войны и детства, институционализировавшись в таких направлениях, как антропология войны, антропология травмы, антропология детства и т.д. Этот всеобъемлющий социальный антропологизм идет по планете победным шагом, заставляя считаться с ним все гуманитарные науки. И это правильно, поскольку они не могут развиваться в заточении, вне парадигмального диалога с социальными дисциплинами. И кажется, в актуальности данной диссертации автор ухватил этот тонкий момент, вокруг которого должна выстраиваться исследовательская стратегия представленной проблематики детства и войны.

Однако понятийный антропологический аппарат ни разу не используется в содержательной части диссертации. Аналогичный расклад повторяется с гендерной историей, упоминающейся в актуальности и степени изученности (стр. 4, 11), но без релевантного обоснования как в той же актуальности, так и во всем остальном тексте диссертации. Диссертант говорит о детях как социальном угнетенном и незащищенном меньшинстве, но это определение к гендеру никак не относится. Вообще гендерная история детства является интересной исследовательской оптикой, особенно в контексте интерсекциональной теории. Но в ней речь должна идти ни о детях как меньшинстве, и ни о половом составе населения как демографической рамке, а о двух культурах детства – девичестве и мальчишестве – и особенностях социализации мальчиков и девочек, и главное – их гендерной

дискриминации через призму возраста, чего нет в работе диссертанта. Эту попытку антропологической и гендерной концептуализации я склонен считать не досадной ошибкой, а примером осознанного вульгарного искажения.

Объект исследования и его лимитирующие составляющие – хронологически конвенциональны и территориально соразмерны взятой автором региональной конкретно-исторической проблематике. Однако возникает серьезный вопрос о предмете исследования, который не вяжется с названием диссертации. В предмете указан город Омск, а в названии – Омская область. В итоге это приводит к серьезным противоречиям в ключевых разделах текста: где-то автор пишет только об Омске, как например, в актуальности (стр. 3-4), в пятой и шестой задаче (стр. 13-14), в описании принципа историзма (стр. 14), научной новизне (стр. 31), в первом положении, выносимом на защиту (стр. 28); а где-то указывает Омскую область, как в цели исследования (стр. 13), в четвертом, пятом, шестом положениях, выносимых на защиту (стр. 29-31). В содержательной части исследования Омская область в целом описывается лишь пару раз на страницах 36 (об эвакуированных детях), 161-162 (про медицинское обслуживание), 167 (про летне-оздоровительные мероприятия). Таким образом, в работе существует серьезное расхождение между ее названием (где территориально фигурирует вся Омская область) и заявленным предметом (город Омск).

Положение усугубляется тем, что в исследовании рассматривается период наибольшего территориально-административного развития Омской области, когда с декабря 1934 по август 1944 гг. в состав области входили территории нынешней Тюменской области, Ханты-Мансийского округа и Ямало-Ненецкого округа, которые составляли около 90% от всей территории Омской области. Население же этих регионов по переписи 1939 г. насчитывалось 902 тыс. чел., что равнялось 40% от численности жителей всей области¹. Сложная и разнообразная история большой Омской области военной эпохи не может сводиться к истории ее столицы. Понимая эту несогласованность, соискатель поясняет на странице 6, что «в исследование, в основном, включались сельские территории, расположенные в границах современной Омской области» (подчеркивание мое – И. С.). Однако, по моему мнению, это прямое нарушение принципа историзма. Когда исследователь пишет об Омской области в период войны, он должен реконструировать историю Омской области в границах того периода времени, а не ссылаться на современные территориально-административные образования.

Тем не менее поставленные цели и задачи по выявлению основных черт и региональных особенностей повседневности жизни советских детей в годы войны имеют потенциал для раскрытия исследовательского предмета. Марина Сергеевна видит этот путь через анализ формирования

¹ Численность населения СССР на 17 января 1939 г. М.: Госпланиздат, 1941. С. 81-85.

государственных и общественных идеалов в сознании детей, институтов и практик социализации, форм работы по оказанию помощи фронту, частного пространства ребенка, условий его жизни, образования и медицинского обслуживания. В целом, это, конечно, рабочая дорожная карта в изучении повседневности, и она вполне может быть успешно реализована.

Историографический обзор данной диссертации имеет краткую характеристику зарубежного опыта в раскрытии данной темы. Точнее, в работе указывается два иностранных автора – классик Филипп Арьес и авторитетнейшая исследовательница культурной истории России Катриона Келли. Вообще, я не сторонник того, чтобы диссертант или какой-либо иной исследователь приводил зарубежную историографию, в то время как иностранные ученые и в самом деле ничего не писали на изучаемую тему. Является ли тема советского детства такой неизученной со стороны зарубежных коллег? К сожалению, ответ отрицательный.

В диссертации упущены известные работы Лизы Киршенбаум «Маленькие товарищи: революционизирующее детство в Советской России, 1917–1932 гг.» (Kirschenbaum, L. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. New York, 2001); той же Катрионы Келли «Товарищ Павлик: взлет и падение советского мальчика-героя» (Kelly, C. *Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero*. London, 2005); Ури Бронфенбреннера «Два мира детства: США и СССР» (Bronfenbrenner, U. *Two Worlds of Childhood: U.S. and U.S.S.R.* New York, 1970); Алана Болла «И теперь моя душа ожесточилась: брошенные дети в Советской России, 1918–1930» (Ball, A. M. *And Now My Soul is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930*. Berkeley, 1994); Кэти Фриерсон и Симеона Виленского «Дети Гулага» (Frierson, C. A., Vilensky, S. S. *Children of the Gulag*. New Haven, 2010); недавняя диссертация Лориан де ла Фэ «Дети империи: советское детство в век революции» (Empire's Children: Soviet Childhood in the Age of Revolution. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in history by Loraine de la Fe. Miami, Florida International University, 2013); прошлогодняя книга Элизабет Уайт «Современная история российского детства: от позднего имперского периода до распада Советского Союза» (Elizabeth, W. *A Modern History of Russian Childhood: From the Late Imperial Period to the Collapse of the Soviet Union*. New York and London, 2020); статьи Энн Горсуч (Anne Gorsuch), Ребекки Найт (Rebecca Knight), Джима Риордэна (Jim Riordan). Часть этих перечисленных работ затрагивает феномен советского детства в период войны. Немецкие историки Франка Маубах и Сильке Сатюков, чьи статьи о социалистическом детстве, в том числе по военному времени, были переведены на русский язык, также не упоминаются в тексте. К сожалению, не использован и известный источник советской субъективности, опубликованный в 2002 г., – дневник Лены Розенберг «Девушка с двумя пейзажами: дневник военного времени Лены Джедваб, 1941–1945» (Rozenberg, L. J. *Girl With Two Landscapes: The Wartime Diary of Lena Jedwab*,

1941–1945. New York, 2002), посвященный, собственно, теме рецензируемой диссертации.

Что касается российской историографии, которая очень обширна, я приведу только список авторов по теме советского детства в годы Великой Отечественной войны, никак не фигурирующих в диссертационной работе – О. С. Ростова, И. А. Зайцева, А. Э. Ларионов, М. В. Дворковая, А. В. Манченко, В. В. Коровин, Е. А. Головин. Не использована программная статья Д. А. Вычерова о советском военном детстве и перспективах его изучения. Печальнее, что не анализируются труды некоторых авторов о разных аспектах советского детства в самой Омской области того периода времени – того же Д. А. Вычерова, Н. С. Салимовой, К. Г. Букрениной, Н. С. Казаковой, Н. В. Фроловой, Л. В. Алексеевой, Е. Г. Чумак, Б. У. Серазетдинова. Опять же это связано с тем, что автор ориентировался только на город Омск. Тем не менее историографический анализ этих работ был бы полезен для сравнительной характеристики информации по городу Омску с другими районами и городами Омской области в тот же период времени. Все это дает основание утверждать, что историография данной проблематики проработана недостаточно.

Во введении диссертации декларируются различные принципы и подходы, которые были использованы в исследовании. Основу составили два принципа: историзм и методологический синтез. Историзм является неотъемлемым символом веры историков, упоминающимся на защите каждой диссертации. Однако это понятие проделало долгий путь от классических объяснений романтизма и позитивизма к релятивистским и постмодернистским постнеклассическим значениям и к современному поиску их синтеза. Я понимаю, что диссертант не углублялся в эти трактовки и придерживался классических установок о диалектике причинно-следственных связей и соблюдении исторического контекста. Но тогда спрашивается, зачем без должного анализа нам нужно вообще символически воздавать дань историзму, если обычный историк должен был усвоить его еще в промежутке второго-третьего курсов специалитета/бакалавриата? Соответственно, на защите диссертации мы просто сообщаем всем очевидное. Однако эти мои пространные рассуждения к тому, что все же, несмотря на утверждение, не в каждой работе есть историзм. И, к сожалению, путаница в конкретно-исторических территориальных рамках данного исследования это суждение подтверждает.

С принципом методологического синтеза все намного проще. Заявленное применение отдельных положений антропологии, психологии и социологии в тексте просто отсутствует. Поскольку методика не заменяет аналитику, проведенное анкетирование вряд ли указывает на синтез с социологией. Однако в списке литературы встречаются знаменитые представители феноменологии, как Эдмунд Гуссерль, и феноменологической социологии – Альфред Шюц и Ирвинг Гофман (стр. 187, 202), которые внесли существенный вклад в понимание повседневности. Но это не отменяет того факта, что в работе они нигде не цитируются. Но иногда так

бывает, что при урезании текста удаляется ссылка на важную библиографию. Хотя даже при такой досадной случайности следы рассуждений и аллюзий все равно остаются на бумаге. Но их нет. Не цитируются они и ни в одной статье Марины Сергеевны, которые мне удалось изучить в Научной электронной библиотеке elibrary.ru. Призраки феноменологов бродят среди строк.

То же самое касается и психологии. Нет никаких ссылок или рефлексии об известных авторах психологии детства и взросления, таких как Лев Семенович Выготский, Эрик Эриксон, Жан Пиаже и др. Впрочем, есть одна ссылка на Даниила Борисовича Эльконина при определении понятия детства (стр. 17) и упоминание выдающегося отечественного ученого Игоря Семеновича Кона (стр. 9). То же самое касается и антропологии. И здесь, как мне кажется, совершается непозволительная грубость для работы с подобной проблематикой. В диссертации вообще не контекстуализируется и никак не осмысляется антропология детства. В первую очередь, я, конечно, имею в виду труды культовой исследовательницы Маргарет Мид, чье имя не знать непростительно ученому, изучающему детство. А затем можно перечислить значимые классические имена Абрама Кардинера, Арнольда ван Геннепа, Виктора Тёрнера и др. В то же время можно указать и российскую исследовательницу Анну Николаевну Блинову, чья работа по этнографии детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI вв. также не использована в рассматриваемой диссертации. Это тем более удивительно, что Блинова писала свое исследование в значительной части на материалах большой Омской области и уделила особое внимание сталинскому периоду. В 2016 г. в Омске, в издательстве Омского государственного университета, у Блиновой и Ирины Валерьевны Черновой вышла монография «Антропология игры и детства», в которой показано все разнообразие детской социализации на примере различных народов Западной Сибири – от русских до казахов. Стоит ли говорить, что и эта работа не известна автору диссертации. Во введении автор также останавливается на концептах «историческая память» и «культурная память» в интерпретации Алейды Ассман (стр. 16-17). Но, как и с предыдущими понятиями, они также никак не раскрываются в содержательной части работы. В результате соискатель попросту не доехал до антропологического поворота, о котором особо остановился в актуальности диссертационного исследования.

Тематика диссертации выстраивается вокруг понятия «повседневность» (стр. 17-19). Помимо общеизвестных работ Н. Л. Пушкаревой и А. Людтке, соискатель придерживается дихотомии «регламентируемого» и «нерегламентируемого» пространств детской повседневности, предложенной в диссертации К. К. Ашеновой. Но в отличие от работы Ашеновой, где показано «наступление» институтов «регламентированного пространства» на обычную жизнь советских детей, в данной работе такое сопоставление вообще отсутствует как в выводах, так и в положениях, выносимых на защиту. При описании досуга и распорядка жизни советского ребенка в нерегламентируемой сфере Марина Сергеевна

выделяет работу на посевной и уборочных кампаниях от школ, деятельность детских садов и библиотек, юннатских организаций, пионерских лагерей и спортивных обществ (стр. 98-101, 103, 108). По большому счету это продолжение воспроизводства «регламентированного» пространства повседневности. Все то, что составляет «нерегламентированную» сферу советского детства в диссертации не исследуется: гулянки, дворовые и не только посиделки, ухаживания, разборки, абьюзивные отношения в семьях, беспризорничество, буллинг, девиантные формы поведения и т.д.

Из череды перечисляемых специальных методов, Марина Сергеевна указывает и на контент-анализ (стр. 17), имея в виду составленную таблицу на странице 54. Но поскольку в этом обычном подсчете газетных публикаций о детях отсутствует выделение каких-либо сравнительных смысловых информационных категорий, которые бы соответствовали изучаемой тематике и раскрывали динамику исторического контекста во временной или проблематической шкале, например, таких как «ребенок», «сирота», «детский дом», «беспризорник», «интернат» и т.д., то я не могу назвать приведенную таблицу контент-анализом. Получилась лишь обобщенная общегодовая сумма абстрактного понятия «детство». Хотя это и не кросс-контентная таблица, но из нее также можно было вывести интересные выводы о плотности детских публикаций в 1941 г., их редкости в 1945 г. и относительно устойчивом плато в 1942–1944 гг. Но автор не указывает на это и, соответственно, не дает никаких пояснений, и не анализирует причины.

В итоге, меня пугает растущая тенденция формалистского и вульгарного обозначения методологии и теории во введениях диссертаций, без какого-то маломальского ее применения в содержательной части исследования. Возможно, некоторое время назад это было простительно для характеристики теории модернизации или цивилизационного подхода, выступавших своеобразным методологическим буфером между громимым марксизмом и неусвоенными западными концепциями. Однако сегодня в третьем десятилетии XXI века, после того как теория модернизации и цивилизационный подход выполнили свой долг, нельзя допустить, чтобы служители Клио продолжали фиктивно апеллировать к теперь уже современным методам и теориям, которые заслужили высокую репутацию своим методическим и интерпретационным инструментарием. Иначе историческая наука может перестать быть наукой как таковой.

После характеристики историографии и методологии, я перехожу к разбору третьего кита, на котором держится любое историческое исследование, – источники. Рассматриваемое диссертационное исследование обладает несомненными достоинствами: во-первых, это сплошное изучение всего корпуса газеты «Омская правда» за весь период войны (стр. 22-23); во-вторых, это материалы устной истории – было проинтервьюировано 35 респондентов (стр. 26-27); в-третьих, это результаты анкетирования, которые собраны от 30 информантов (стр. 25-26); в-четвертых, использование визуальных и вещественных материалов, прекрасно представленных на страницах приложения 217-252.

Однако в сборе и анализе источников присутствуют серьезные недостатки. Главная проблема – это отсутствие релевантности источников заявленной теме и ее территориальным рамкам. Почти все источники отражают историю города Омска и близлежащих районов, в то время как диссертация посвящена исследованию военного детства во всей Омской области, что указано в территориальных рамках диссертации. Диссертант проигнорировал большую часть региона и написал работу только на материалах одного архива – Исторического архива Омской области (ГИАОО). В диссертации не использованы материалы Государственного архива Тюменской области, Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, Государственного архива Югры, Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, ни муниципальных архивов. Территориальная редукция могла быть преодолена за счет опубликованных источников по этим территориям Омской области. Например, тех же газет и значительного пласта изданных воспоминаний. Но все неархивные источники, использованные в работе, также касались только Омска и близлежащих районов. Соответственно, реконструируемая история военного детства в содержательной части диссертации не раскрывает заявленную в заглавии диссертации проблематику, а четвертое, пятое и шестое положения, выносимые на защиту (стр. 29-31), в которых говорится об Омской области, остаются неverifiedируемыми.

Еще один важный вывод соискателя не находит доказательств. На стр. 54 диссертант пишет: «Основными инструментами трансляции партийно-государственных идеалов в повседневной жизни советского ребенка в условиях военного времени были периодическая печать и местное радиовещание». Вообще это интересный тезис. Вместе с тем никаких подтверждающих фактов того, что периодика и радио были важной частью повседневности советского ребенка в период Великой Отечественной войны, не приводится. Тем более, как указывает сам автор диссертации, личных радиоприемников в семьях не осталось после постановления о сдаче населением радиоприемных устройств от 25 июня 1941 г. (стр. 55). На страницах 99-100 соискатель указывает, что приобщение детей к чтению происходило очень слабо, многие не имели возможности читать. Как в таких условиях периодика могла транслировать какие-либо идеалы остается загадкой. Эту информацию можно было бы получить из интервью и анкетирования, но это вопросы информантам не были поставлены соискателем. Краткая характеристика воспоминаний, приведенных на стр. 56, скорее не доказывает, а опровергает этот тезис.

В целом, диссертационное исследование подробно раскрывает особенности советского детства в г. Омске на основе разнообразного круга источников. Между тем диссертанту не удалось описать феномен советского детства на территории всей Омской области, показать социальные и культурные особенности на различных территориях региона. В силу этого из анализа диссертанта исключены дети из различных социальных и этнических групп, например, спецпереселенцев и коренных народов Сибири. Не

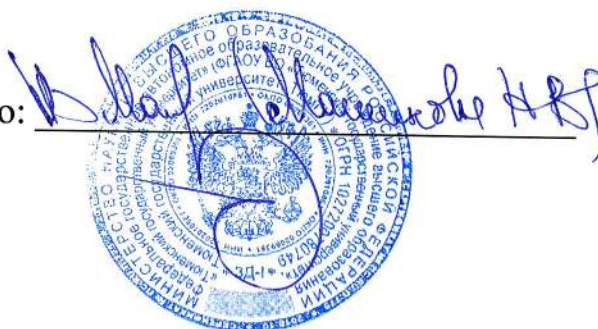
показаны особенности социализации немецких детей, в то время в Омской области имелись места компактного проживания немецкого населения. Никак не охарактеризовано детство таких национальностей, как украинцы, которых в большой Омской области проживало 6,7% от всего населения, татар (3,9%), казахов (2,2%)². За редким исключением на стр. 162-163, 165, в работе отсутствует сравнительный анализ между городами Омской области – Тюмень, Ишим, Тобольск, Тара, Салехард. Несомненно, рукопись диссертации имеет положительные стороны, но те ключевые замечания к историографии, методологии, источникам и конкретно-историческим территориальным рамкам свидетельствуют о незавершенности исследования.

Таким образом, диссертация не соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор не заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки).

Официальный оппонент

Стась Игорь Николаевич,
Кандидат исторических наук,
Старший научный сотрудник
Лаборатории исторической географии и регионалистики
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
Тюменский государственный университет,
625003, Тюменская область,
г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6
Тел. 8 (3452) 597429
E-mail: common@utmn.ru
Web-сайт: <https://www.utmn.ru/>

Подпись И. Н. Стася удостоверяю:

² Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Под ред. Ю. А. Полякова. М.: «Наука», 1992. С. 64.